

Сталин предупреждает Жданова: «Вы должны знать, что пехота без танков не пойдет»

В ноябре эпицентр боевых действий на Ленинградском фронте по-прежнему находится в районе Невского «пяточка». Ставка Верховного Главнокомандования категорически требует, во что бы то ни стало прорвать блокадное кольцо и установить прочную связь с 54-й армией. 55-я армия своими активными действиями от устья Тосны до Ям-Ижоры пытается оказать наступающим с Невского «пяточка» частям Невской оперативной группы посильную помощь. Для достижения успеха Ставка рекомендует активнее использовать танки КВ. До конца месяца 43-я, 70-я, 85-я, 90-я, 268-я стрелковые дивизии при поддержке 124-й танковой бригады, попеременно сменяя друг друга и неся в кровопролитных боях огромные потери, безрезультатно атакуют Усть-Тосненский рубеж. О том, как они сражались в районе деревни Усть-Тосно, рассказывают участники событий.

Продолжение. Начало в №6(480) от 16 февраля 2017 г., №8 (483) от 2 марта 2017 г.

Полковник Галстян потребовал от Сергеева построить КП под полотном железной дороги, чтобы обеспечить возможность наблюдения в обе стороны от железнодорожной линии.

Мы с Кулиным воспользовались моментом: с головой закутались в плащ-палатки и без сновидений проспали до полного рассвета. Проснулись мы не от холода и не от хождения людей, а потому что приближался час доставки горячей пищи, которой бойцы не видели несколько дней. Мы бросили жребий. Идти за приварком выпало мне.

Чтобы добраться до походной кухни, надо было миновать противотанковый ров, а потом еще прошагать с километр в сторону «Спиртстроля». За рвом около входа в штабной блиндаж лежал убитый старший лейтенант Завьялов — первый командир батальона, в котором служили на Луге ополченцы ЛИСИ. Такого неуважительного отношения к погибшему командиру, тем более в тылу, никогда ранее не допускали.

Оказалось, что утром у полковника Галстяна произошел конфликт с подчиненными командирами, окончившийся жестокой трагедией. Попытка 59-го полка скрытно приблизиться к Тосне не удалась. Раненого комбата Комарова отправили в медсанбат. Галстян вызвал его заместителя Завьялова, комиссара Страхова и командира минометной роты. Произошел грубый, необъективный разговор, вызвавший возмущение замкомбата. В словесной перепалке полковник застрелил ветерана-ополченца, а Страхова отправил в политотдел дивизии.

По настоянию политотделцев, Галстян был немедленно отстранен от должности и отозван из дивизии. Только вот какую правду или неправду пришлось сообщать родным старшего лейтенанта, если преступные действия полковника так и остались без последствий?

...Подготовка к повторному наступлению началась на следующий день. Одному из батальонов 59-го полка предстояло ниже железнодорожного моста по тонкому льду форсировать Тосну, а затем преодолеть эскарп — искусственную отвесную стенку, возведенную по правому берегу реки. Допу-

скалось, что береговые отмели перед эскарпом могут оказаться заминированными.

Наступление намечалось на первую половину дня 15 ноября. Ночью саперы получили задание изготовить и передать в штурмовую группу десятков легких деревянных лестниц. Бойцы этой группы должны были первыми подняться на занятый врагом берег.

Когда инженеры инженерных работ отправились за распоряжениями к начинжу, стало совсем светло. С ними пошел Трубицын. Он возглавил химвзвод полка, насчитывавший всего троих бойцов. Химики следовали в окопы переднего края. При попутном ветре им предстояло прикрыть пехотинцев постановкой дымовой завесы.

Трубицынская команда скрылась в противотанковом рву. Там скапливались подразделения 59-го и 103-го полков. Туда же с саперами направлялись начинжевские инженеры. Они выслушали наставления Сергеева. Капитан опасался, что в полосе наступления батальона могут быть противопехотные мины. Вадим Васильевич нервничал. Приближался час начала наступления, а Заклинский с лестницами опаздывал.

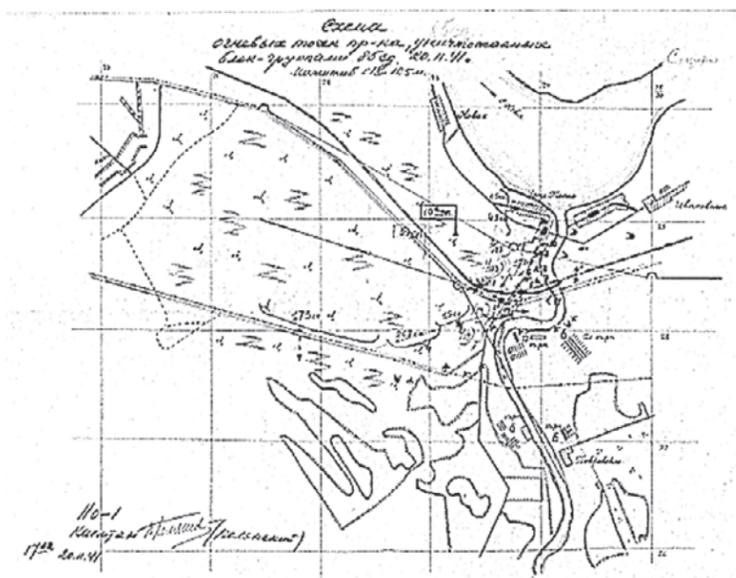
Последние минуты перед боем особенно томительны. Они приближают тот момент между жизнью и смертью, ожидание которого тоскою сжимает сердца даже у самых храбрых людей.

На этот раз затянувшуюся паузу нарушил Кулин. Его огорчили казенные наставления капитана Сергеева. И хотя перед боем судьбу не загадывают, ему вспомнилось, каким обреченно угрюмым был накануне гибели Кантер. Наум будто предчувствовал несчастье.

— Чему быть, того не миновать, — сказал я.

Наконец прибыла саперная рота. Сергеев вручил Заклинскому записку комбата, готовившего штурмовую группу. Саперы должны были передать пехотинцам свежевостроганные трехметровые лестницы и продвигаться к реке вдоль линии железной дороги вместе с батальоном.

Тосна впадает в Неву в южной части ее течения. Мосты ныне двухпутной железной дороги возведены в пяти-шести сотнях метров от устья реки. После разезда Саперного магистраль следует строго на восток. Однако на 29-м километре от Ленинграда плавно откло-

няется к южному изгибу русла Невы. На последнем километре перед переправой железнодорожная линия вновь принимает прежнее направление на восток. Длина прямолинейного участка зигзагообразного поворота — полтора километра. Здесь «железка» проложена через низкие болотистые места, и ее полотно довольно высоко приподнято над уровнем земли.

Блиндажи и землянки 59-го полка прижимались к северному откосу насыпи. В светлое время суток передвижение людей и санитарных повозок осуществлялось под ее прикрытием. В 1941 году вокруг была невозделанная пустошь. С левой стороны «железки» она имела в плане форму прямоугольного треугольника, северным катетом которого служил невский берег, восточным — река Тосна с короткой полулетней Невы, а гипотенузой — линия железной дороги. Вершина этого беслесного треугольника отсекалась кирпичными зданиями «Спиртстроля». На изрытой снарядами и минами земле у железнодорожной насыпи должен был развернуться для наступления стрелковый батальон, в который пробирались полковые саперы.

Приказ для солдат и офицеров — закон. На фронте сила приказа возрастала, если его содержание отвечало устремлениям воинов, не ломало их волю. Такое в конце 1941-го бывало не часто. И все же, независимо от душевного состояния, люди поднимались в атаку.

Заклинский знал, что команды на отход при неудаче не будет. Он не помнил случая, чтобы кто-либо брал на себя ответственность за своевременную приостановку безуспешного на-

ступления. Атаки пехотинцев обычно затухали стихийно, без указаний сверху. И никто из начальства потом не проявлял тревоги о бойцах, оставшихся живыми или мертвыми на поле боя.

В километре от Тосны, левее железнодорожной магистрали, местность поднималась до отметок противоположного берега реки, и насыпь уже не маскировала цепочку бойцов. Минометная батарея, установленная в Ивановском или справа от поселка, на его высокой юго-западной окраине, открыла по роте интенсивный огонь и вынудила саперов спуститься в железнодорожный кювет, названный впоследствии «канавой смерти». Откосы основательно разрушенного кювета худо-бедно защищали саперов от осколков мин. До реки было далеко и немцы не могли вести прицельный огонь из стрелкового оружия.

По мере продвижения саперы все чаще обнаруживали на дне кювета убитых красноармейцев. Их окостенелые на морозе трупы были присыпаны снегом, смешанным с мерзлыми комьями осенней грязи. Лисийцам впервые пришлось передвигаться по телам погибших солдат.

Когда один из бойцов неловко приподнялся, подтягивая к себе громоздкую лестницу, длинная пулеметная очередь бешено резанула воздух. Заклинский понял, что рота, миновав поворот железной дороги, при выходе напрямую к мосту может попасть под огонь крупнокалиберного пулемета, установленного по продольной оси водосточной канавы на противоположном берегу.

Саперы, неохотно покинув «канаву смерти», петляли среди многочисленных воронок и

прятались в неглубоких окопчиках, недорытых участниками предыдущих сражений. Из вынужденного положения «лежачки» бойцы видели стальной мост. Мостовые конструкции сливались в одну громаду, грубым пьедесталом возвышавшуюся над снежным горизонтом. О расстоянии до берега судили по расположению моста на железнодорожной насыпи. Минометный обстрел противника целенаправленно переносился вслед за продвижением саперов.

В подчинении Заклинского находилось около пятнадцати красноармейцев. Они широко рассредоточились по воронкам, канавкам, окопчикам. Бойцы были разбросаны вихрями разрывов ураганного минометного огня. Рискую не собрать людей и потерять управление ими, Заклинский распорядился свернуть в сторону от стальной магистрали. Осуществить это под обстрелом да еще с неудобными лестницами было нелегко. Насыпь магнитом притягивала саперов, а им приказывали пробираться к реке открытой местностью.

— Некогда в воронках сидеть! — подгонял саперов командир роты, похлопывая отставших по спине. — Надо подниматься, ребята.

Тучи земли и снега взметывались от разрывов мин. Непрерывный минометный шквал загонял души в пятки. В какой-то момент саперы неподвижно залегли в укрытиях. Невозможно было понять, убиты они или просто выдохлись. От насыпи рота удалилась, но к берегу почти не продвинулась.

Заклинский и я, пересчитывая не людей, а лестницы, задержались у квадратной выемки, пригодной для стрельбы с колена. К ее краю вместо насыпного бруствера примыкало полуметровой длины углубление. Воющий звук подлетающей мины заставил нас спуститься на дно ямы и с трудом втиснуться в импровизированный окоп. Уловив паузу, я приподнялся и, вспомнив утверждение, что мины дважды в одно и то же место не ложатся, изготовился к прыжку в дымившуюся воронку.

Продолжение следует

■ Публикация подготовлена по материалам книги «Ивановский порог. Хронология подвига. (30 августа 1941 г. — 22 января 1944 г.)», автор-составитель Ю.И. Егоров, 2015 г.